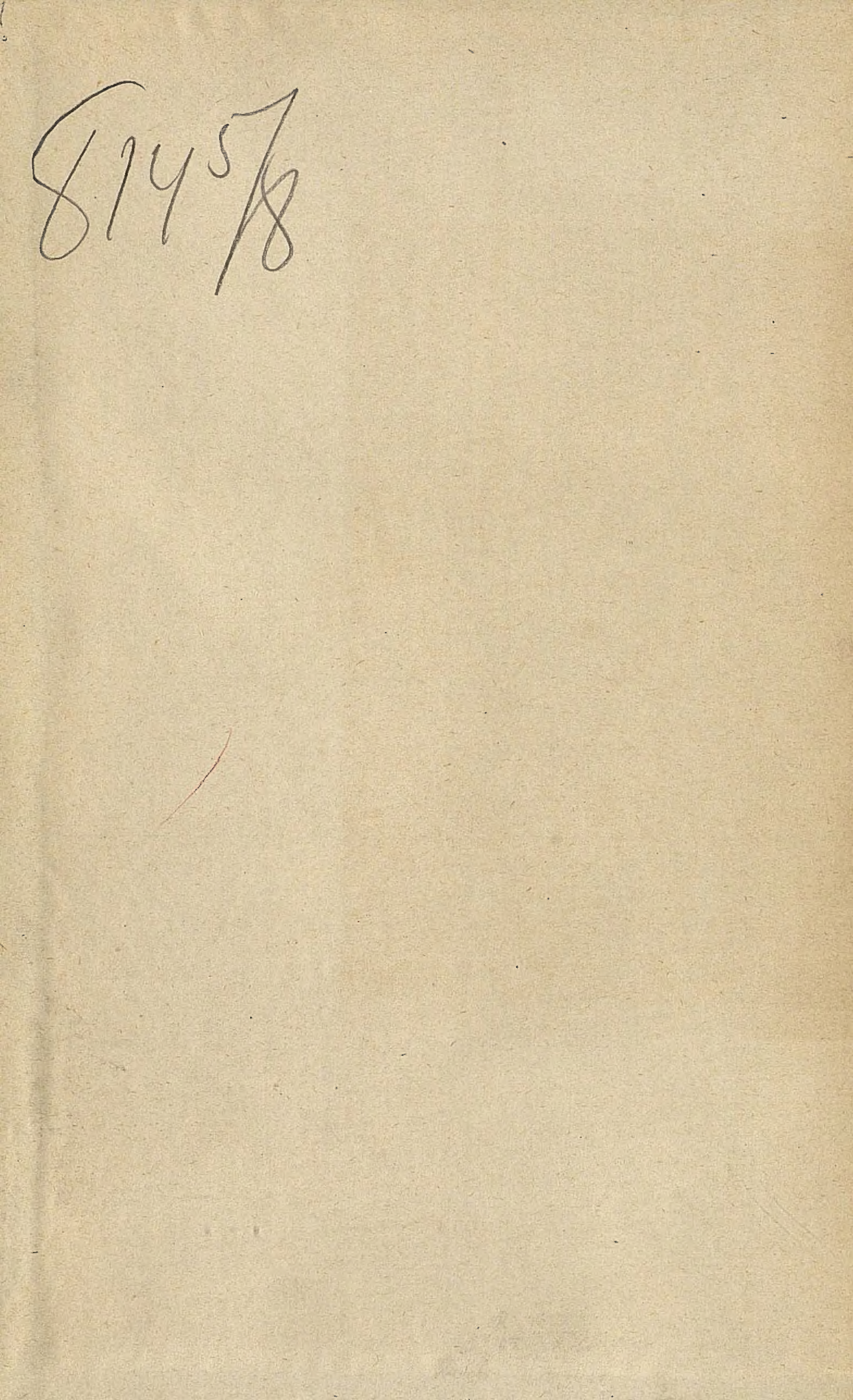

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

ОЧЕРКЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе ежемѣсячника „Семьянинъ“
1894

Цѣна 10 коп.

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ

ОЧЕРКЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе ежемѣсячника „Семьянинъ".
1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Октября 1894 г.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Обществ. Польза“, Б. Подъяч., № 39.

Императоръ Николай.

Очеркъ.

Исторія, какъ смерть, равняетъ всѣхъ. Потомство безпристрастнѣе современниковъ. Чѣмъ крупнѣе историческая личность, тѣмъ больше у нея враговъ, не брезгающихъ подчасъ и клеветою; тѣмъ труднѣе грядущимъ поколѣніямъ отличить правду отъ лжи и возсоздать въ своемъ воображеніи благородный образъ государственнаго или общественнаго дѣятеля. Геніи, вродѣ Петра, подобно лучезарнымъ кометамъ, проходятъ мимо насъ, оставляя за собою навѣки неизгладимый, свѣтящійся слѣдъ въ исторіи человѣчества или извѣстнаго народа; даровитыя и страстно-дѣятельныя натуры, какъ Екатерина II и ея сподвижница, княгиня Дашкова, очень похожи на предутреннія звѣздочки, загорающіяся на блѣднѣющемъ небѣ послѣ долгой, томительной ночи, хотя востокъ еще лѣниво дремлетъ, и заря на немъ блеснетъ нескоро. Крупный умъ, талантъ, энергія единичныхъ личностей являются на ней поистинѣ свѣточами народа. Бури и разныя вѣянія современности, какъ нѣчто стихійное, нерѣдко колеблютъ ихъ пламя, заставляя его чадить и издавать неровный свѣтъ, но когда все стихаетъ, они вновь ярко, надежно и тепло свѣтятъ. Такимъ свѣточемъ, былъ и тотъ, кому посвящается эта статья.

Дѣдъ нашего государя, императоръ Николай Павловичъ, родился 25 іюня 1796 г. въ Гатчинѣ, гдѣ до своего восшествія на престолъ постоянно пребывалъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ супругой, Маріею Ѳеодоровной. Сила предугадываетъ силу, что оправдывается многими примѣрами. Императрица Екатерина II, посѣтившая Гатчину въ день рожденія будущаго самодержца, по возвращеніи

оттуда въ Петербургъ, говорила своимъ приближеннымъ: «Я бабка третьяго внука, который, судя по необыкновенной силѣ, которою онъ одаренъ, кажется мнѣ предназначеннымъ царствовать не смотря на то, что у него два старшихъ брата». Это было сказано въ шутку, какъ вообще любила подчасъ при торжественныхъ случаяхъ говорить остроумная императрица. Никто не придалъ этимъ словамъ значенія пророчества, но черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ капризная судьба обратила шутку въ серьезное.

Младенческіе годы Николая Павловича исторически совпали со временемъ, небогатымъ событіями. Блескъ царствованія мудрой Фелицы догоралъ послѣдними грустными лучами; восходили новыя свѣтила, вылетали новые соколы, между тѣмъ какъ екатерининскіе орлы утомленные боевыми тревогами, одинъ за другимъ смежали свои зоркія очи... За-то ранняя юность третьяго внука Екатерины II была свидѣтельницей замѣчательныхъ событій и того символическаго пожара, который изъ Москвы, изъ глубины Россіи, показалъ всему міру, какое сердце бьется въ груди славяно-росса. Преданія воинственнаго прошлаго являлись почти для всѣхъ дѣтей царскаго рода закономъ; воспитанные на нихъ, они вступали на престолъ, чтобы мирно управлять народомъ. Поэтому и воспитаніе Николая Павловича не могло быть счастливымъ исключеніемъ изъ общаго, доволь но впрочемъ суроваго правила. Грозныя сумерки кладутъ на все тяжелую окраску; въ предчувствіи грозы наше внутреннее настроеніе такъ-же тревожно, какъ вспыхивающіе на всѣхъ концахъ неба блуждающіе огоньки молніи; когда же настанетъ ночь, надвигающаяся со всѣхъ сторонъ тьма превращаетъ слабаго въ труса, а сильнаго въ храбреца. И право, не объясняетъ-ли это хоть до извѣстной степени воинственность нашихъ предковъ? Даже игры и забавы царственнаго юноши имѣли военный характеръ. Не разъ послѣ нихъ, оставшись наединѣ, мечталъ онъ въ отдаленныхъ покояхъ дворца или въ тиши садовъ, о боевыхъ походахъ, бранныхъ подвигахъ, завоеваніяхъ и побѣдахъ. Неудивительно, что онъ полюбилъ душой военную исторію, сталъ изучать ее столь же ревностно, какъ обѣщающій изъ себя артиста изучаетъ гаммы, вдумываясь въ тайны акустики. Изученіе военной исторіи обогатило умъ Николая Павловича обширными познаніями въ дѣлѣ внутренней и внѣшней политики. Часто юноша въ разговорѣ съ пожилыми и умудренными житейскимъ опытомъ людьми поражалъ не только огромною начитанностью, но и тонкимъ умомъ, и выдающимися дипломатическими способностями; однакоже во вре-

мя царствованія своего брата, Александра I, онъ вовсе не касался политики, а занимался исключительно военной частью—управлялъ ввѣренной ему гвардейскою дивизіей, вводилъ у себя подъ рукою дисциплину и прядокъ, являя собой образецъ рѣдкой исполнительности. Впрочемъ строгость, выражавшаяся въ природной вспыльчивости, нерѣдко смягчалась всепрощающимъ добродушіемъ тамъ, гдѣ встрѣча-

лась съ проявленіемъ живого ума и чисто-русской находчивостью, которую онъ любилъ. Въ эти годы великій князь замѣтно увлекался блескомъ парадовъ и свѣтской жизнью, наравнѣ съ гвардейской молодежью, не устраняясь при этомъ, разумѣется, отъ многихъ плѣнительныхъ соблазновъ веселой и беззаботной жизни. Кстати замѣтить, онъ былъ хорошимъ музыкантомъ, написалъ даже маршъ въ честь измайловскаго полка и любилъ выступать на придворныхъ балахъ дирижеромъ танцевъ. Высокій, статный и красивый, онъ невольно

привлекалъ къ себѣ каждаго. Въ 1817 г. Николай Павловичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью короля пруссаго, получившею въ крещеніи имя Александры Ѳеодоровны. Незадолго до женитьбы онъ путешествовалъ заграницею и тамъ севершенно случайно высказалъ свой взглядъ на супружескія отношенія. Во время пребыванія великаго князя въ одномъ изъ швейцарскихъ городовъ, ему доложили, что онъ имѣетъ случай посѣтить проѣзжавшую черезъ этотъ городъ изъ Парижа въ Вѣну французскую императрицу, Марію Луизу. На это Николай Павловичъ замѣтилъ: «мѣсто императрицы теперь при мужѣ, а не здѣсь». Онъ всю жизнь оставался вѣренъ своему возвышенному взгляду, въ которомъ, какъ-бы помимо его воли проявлялась чисто-русская черта. Такими же глазами на отношенія мужа къ женѣ смотритъ и нашъ простолюдинъ, опираясь на незыблимость вѣковой мудрости. Какъ семьянинъ, Николай Павловичъ былъ вообще безупреченъ. Кромѣ того онъ отличался необыкновенной устойчивостью характера, твердостью убѣжденій и положительно рыцарской прямотою.

Никто не подозрѣвалъ, что шутливое предсказаніе Екатерины II когда-нибудь сбудется, и поэтому внука ея не готовили къ престолу, вслѣдствіе чего развитіе его способностей страдало односторонностью. Корабль, нагруженный разными драгоцѣнностями, до поры, до времени дремалъ съ опущенными парусами въ мирной пристани, но вотъ дохнула моряна, заколыхалось море, и онъ горделиво расправилъ свои бѣлыя крылья.—Невольно приходитъ въ голову это сравненіе.

Умирая императоръ Александръ I не оставилъ послѣ себя дѣтей, и потому права престолонаслѣдія переходили къ старшему послѣ него брату, цесаревичу Константину Павловичу, который былъ тогда намѣстникомъ царства польскаго, занимался преимущественно устройствомъ польскаго войска и въ гражданское управленіе не вникалъ. Женившись потомъ на полькѣ, Маріи Грудзинской, онъ добровольно отказался отъ престола и въ своемъ письмѣ къ императору Александру писалъ: «Я не чувствую въ себѣ ни дарованій, ни силъ, чтобы быть возведеннымъ на то достоинство, къ коему по рожденію могъ имѣть право, и потому прошу передать это право тому, кому оно принадлежитъ послѣ меня». Кому же оно принадлежало?—великому князю Николаю Павловичу. Отреченіе цесаревича хранилось въ запечатанномъ пакетѣ на престолѣ въ Успенскомъ соборѣ, списокъ же съ него находился въ государственномъ совѣтѣ. Оно было

лишь по кончинѣ императора обнародовано вмѣстѣ съ завѣщаніемъ государя, какъ послѣдняя монаршая воля. Смерть постигла Александра I на югѣ Россіи, въ Таганрогѣ 25 ноября 1825 г. Получивъ печальное извѣстіе объ этомъ, Николай Павловичъ присягнулъ съ войскомъ и столицею **императору Константину**, не смотря на то, что августѣйшая мать открыла ему тайну и убѣждала его признать для себя присягу необязательной. Онъ колебался; между тѣмъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, находившійся въ Варшавѣ, присягнулъ съ войскомъ и населеніемъ **императору Николаю**, и присланные къ нему пакеты на имя *Его Величества* возвращалъ нераспечатанными въ Петербургъ, причемъ въ особомъ письмѣ къ Николаю Павловичу вновь подтвердилъ свое прежнее отреченіе отъ престола. Только послѣ этого, 14 декабря, Николай Павловичъ рѣшился обнародовать манифестъ о восшествіи своемъ на прародительскій престолъ.

Въ слѣдующемъ году Николай Павловичъ по обычаю короновался въ первопрестольной Москвѣ, куда съѣхались съ заявленіемъ поздравленій отъ своихъ правительствъ виднѣйшіе представители всѣхъ европейскихъ государствъ. Въ качествѣ перваго подданнаго прибылъ въ Москву изъ Варшавы цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Принявъ бразды правленія въ свои руки, юный государь окружилъ небывалымъ обаяніемъ неограниченную власть царя и предъ лицомъ всей Европы заявилъ себя могущественнымъ охранителемъ русскаго самодержавія, а въ глазахъ своего народа—отцомъ и опорою отечества, величіе котораго онъ ставилъ выше всего.

Неподготовленному воспитаніемъ къ дѣламъ государственнымъ, ему предстояла довольно сложная задача; но одаренный крупнымъ умомъ царь нисколько не смутился передъ трудностью первыхъ шаговъ, сразу почувствовалъ подъ собою твердую и надежную почву. Гордый орелъ, прежде чѣмъ подняться съ горныхъ вершинъ въ небесную высь, смѣло, глубокимъ, испытующимъ взоромъ измѣряетъ вокругъ себя пространство и послѣ этого въ сознаніи собственной силы даетъ уже волю своимъ могучимъ крыльямъ. Чтó ожидало новаго царя?—его предшественники достаточно прославили военное могущество Россіи; имя Александра I, какъ освободителя народовъ, произносилось съ уваженіемъ и благодарностью во всѣхъ концахъ Европы, а о Суворовѣ ходили по бѣлу-свѣту легенды; Русь, разметнувшаяся широко и властно на европейско-азіатскомъ просторѣ,

казалась всему необъятному міру побѣдоноснымъ богатыремъ въ непроницаемомъ панцырѣ и шлемѣ; грознымъ воителемъ съ мечемъ въ рукѣ и со щитомъ, на которомъ горитъ огненными буквами: «слава».

Николай Павловичъ прежде всего обратилъ вниманіе на всестороннее устройство внутренняго управленія, что являлось предметомъ настоятельной необходимости, такъ какъ въ минувшія царствованія всѣ заботы правительства сосредоточивались на внѣшнихъ дѣлахъ; принялъ мѣры къ улучшенію военнаго и гражданскаго судопроизводства; словомъ, цѣлью своихъ стремленій и трудовъ ставилъ благосостояніе страны на устояхъ строгаго закона и порядка. Онъ значительно возвысилъ роль правительствующаго сената, ослабленнаго при Александрѣ I вліяніемъ государственнаго совѣта, поднялъ на извѣстную высоту правосудіе. Внутри страны повсюду господствовалъ страшный безпорядокъ. Пути сообщенія представляли сплошное бездорожье, вслѣдствіе чего весною и осенью, въ распутицу, движеніе по грунтовымъ дорогамъ почти прекращалось. Въ промышленности и торговлѣ царилъ застой; Можетъ быть, первая мысль объ освобожденіи крестьянъ свѣтлымъ лучомъ блеснула въ головѣ императора, мысль снять цѣпи вѣкового рабства съ народа, но, при отсутствіи сочувствія среди окружающихъ, онъ привести свою мысль въ исполненіе не могъ. Незадолго до крымской войны государь прямо высказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ свою завѣтную мысль: «Три раза начиналъ я это дѣло и три раза не могъ продолжать, — видно, это перстъ Божій». Ему казалось, что страна недостаточно подготовлена къ воспріятію великой реформы, введеніе коей поэтому откладывалось до болѣе благопріятнаго времени. Безпорядки, какъ слѣдствіе нерадѣнія и распущенности исполнителей царской воли, сдѣлали страну похожею на неуютный домъ, въ которомъ, при наличности добраго десятка своенравныхъ хозяевъ, не добьешься никакого толка. «У семи нянекъ дитя безъ глаза»,—эту пословицу Николай Павловичъ любилъ приводить всякій разъ, едва замѣчалъ что-нибудь неладное. Кромѣ того онъ часто смѣялся отъ души надъ «поваромъ» крыловской басни и вполнѣ одобрялъ ея мораль насчетъ необходимости примѣненія власти въ неизбѣжныхъ случаяхъ. Провозгласивъ строгость закона, какъ мѣру исправительную, государь не щадилъ виноватаго, будь это самый близкій ему человѣкъ, и не церемонился даже съ высокопоставленными лицами, не говоря уже о дворянахъ, самовластіе которыхъ надъ крѣпостными онъ значительно ограничилъ. Вѣрный своимъ правиламъ царь никогда не отступалъ отъ закона, и мы уви-

димъ, что постоянство самодержца крѣпилось на безпощадной, чисто нравственной логикѣ. Государь не терпѣлъ лжи, холопства и лести, приводившихъ его въ гнѣвъ. Онъ говорилъ, что всякій ѳиміамъ для него хуже угара; за-то ему всегда была пріятна правда, если ее умѣло и твердо высказывали. За измѣну, обманъ и лихоимство справедливый царь каралъ немилосердно, а недостатка въ этомъ вокругъ него не было, и устранить одному, безъ помощи умныхъ и честныхъ, вѣрныхъ и преданныхъ людей, разумѣется, не было возможности. «До Бога высоко, до царя далеко», и напримѣръ то, что сдѣлано вчера въ Вяткѣ, не могло быть извѣстно завтра царю, при отсутствіи такого могучаго рычага гласности, какъ телеграфъ, и скорости сообщенія, предоставляемой теперь желѣзными дорогами. Царь нерѣдко чувствовалъ, что одинъ въ полѣ не воинъ. Погруженный въ заботы о мирномъ совершенствованіи отечества и чуждый мысли о разорительныхъ войнахъ съ чужеземцами, онъ былъ однако вынужденъ въ первые-же годы своего царствованія обнажить мечъ для поддержанія достоинства Россіи. Несогласія съ Турціей изъ-за греческаго вопроса, а затѣмъ нелѣпые слухи о бунтѣ декабристовъ придали смѣлости персидскому шаху на дерзкую выходку противъ Россіи нежданнымъ-негаданнымъ вторженіемъ персидскихъ полчищъ въ предѣлы русскаго Закавказья. Войны неразумный шахъ не объявлялъ, замысливъ покончить съ россійскимъ самодержцемъ свой споръ о границахъ хищнымъ нападеніемъ на насъ изъ-за угла. Скоро персидскія войска, подъ предводительствомъ Абаса-Мирзы, наслѣдника престола, двинулись къ Тифлису и обложили крѣпость Шушу, а вслѣдъ затѣмъ Елисаветполь. Но вотъ узналъ объ этомъ славный намѣстникъ Кавказа, генералъ Ермоловъ, и, не долго думая, выслалъ противъ персовъ незначительный отрядъ съ генераломъ, княземъ Мадатовымъ во главѣ. Подъ Шамхоромъ десятитысячное войско персидское обращено было въ бѣгство, а на другой день генералъ Паскевичъ окончательно разсѣялъ главный отрядъ дерзкихъ противниковъ. Любимецъ государя, онъ послѣ этой побѣды получилъ назначеніе на мѣсто отозваннаго Ермолова и вскорѣ взялъ твердыню персидскаго владычества Эривань, за что ему былъ дарованъ титулъ графа Эриванскаго. Шахъ смирился, и Россія въ 1828 г. по туркманчайскому договору пріобрѣла ханства эриванское и нахичеванское, причемъ пограничной чертою обоихъ царствъ съ той поры стали считать рѣку Араксъ; кромѣ того Персія уплатила двадцать мильоновъ на покрытіе военныхъ издержекъ.

Кончивъ войну съ персами, царь началъ другую, съ новымъ недругомъ — съ Турціей, притѣснявшей единовѣрныхъ съ нами грековъ, которые много лѣтъ боролись и проливали кровь за независимость. Загорѣлось гнѣвомъ сердце русскаго царя, едва проникла въ Россію вѣсть о томъ, что турецкое правительство нарушило международный договоръ, оскорбило нашего посланника и воздвигло гоненіе на православную церковь. Воодушевленный единогласнымъ одобреніемъ всей Европы, царь сначала далъ Турціи шестинедѣльный срокъ для высылки своихъ пословъ къ границамъ русскимъ; тѣмъ временемъ Англія побуждала султана уважить требованіе русскихъ. На конференціи въ Аккерманѣ турки подписали договоръ съ Россіей о своихъ придунайскихъ владѣніяхъ, т. е. Молдавіи, Валахіи и Сербіи, покончили также споръ объ азіатскихъ границахъ и объявили плаваніе нашихъ кораблей изъ Чернаго въ Средиземное море свободнымъ. Подписавъ лондонскій трактатъ, три государства—Россія, Англія и Франція рѣшили потребовать у Порты освобожденія Греціи, на что турки сверхъ всякаго ожиданія отвѣтили вторженіемъ въ Грецію. Тогда началась священная война, объявленная султаномъ Мухмудомъ II. Русскія войска заняли Молдавію и Валахію, перешли Дунай, причемъ переправой руководилъ самъ царь, перебравшійся въ челнокѣ съ одного берега на другой. Вскорѣ отняты были у турокъ въ ихъ европейскихъ предѣлахъ крѣпости—Браиловъ и Варна, тогда какъ въ азіатскихъ владѣніяхъ завоеватель Эривани отнялъ Карсъ, а затѣмъ овладѣлъ Ахалцыхомъ и разбилъ непріятеля на голову. Привлекаемые султаномъ къ союзу персы покушались было нарушить миръ, вслѣдствіе чего въ Тегеранѣ возмущенная чернь убила русскаго посланника Грибоѣдова, творца безсмертной комедіи «Горе отъ ума». Далѣе въ 1829 году Паскевичъ взялъ Эрзерумъ; благодаря энергіи графа Дибича, одержана побѣда надъ турками въ тѣснинахъ Кулевчи, и занятъ Адріанополь, гдѣ Порта и подписала мирный договоръ, обязавшись уплатить Россіи военныя издержки и кромѣ того полтора мильона русскимъ купцамъ, ограбленнымъ мусульманскими морскими разбойниками, а затѣмъ всенародно объявила независимость греческаго королевства и отдала Молдавію, Валахію и Сербію подъ покровительство русскаго царя.

Войну съ Турціей смѣнилъ польскій мятежъ, заставившій государя принять мѣры къ усмиренію возставшихъ подданныхъ, стремившихся къ возстановленію Рѣчи Посполитой и могущества польскаго шляхетства. Главнѣйшими силами мятежа были двѣ партіи: генера-

ла Хлопицкаго и историка Лелевеля; первая стремилась къ расширенію конституціонныхъ правъ Польши, послѣдняя же требовала полнаго возстановленія польскаго королевства и возвращенія земель, принадлежавшихъ въ прежнее время полякамъ. Вожди мятежниковъ отправили въ Петербургъ депутацію. Императоръ Николай принялъ ее и сказалъ слѣдующее: «Могу-ли я, законный вашъ царь, вступить въ унизительные переговоры съ моими мятежными подданными? пусть поляки положатся на меня и они будутъ счастливы; если же поляки дерзнутъ поднять оружіе противъ Россіи и своего государя законнаго, то сами они и ихъ пушечные выстрѣлы ниспровергнутъ Польшу». Пока депутація ѣздила въ Петербургъ, поляки успѣли обострить отношенія къ намѣстнику Польши, цесаревичу Константину, такъ что вскорѣ послѣ этого стотысячная русская армія, подъ начальствомъ фельдмаршала Дибича, двинулась въ Польшу, а 13 февраля 1831 г. произошелъ ожесточенный бой подъ Гроховымъ и 14 мая подъ Остроленкою, гдѣ 29 числа того же мѣсяца, во время похода, палъ жертвою не войны, а холеры Дибичъ; вслѣдъ за нимъ погибъ отъ той же эпидеміи въ Витебскѣ и цесаревичъ Константинъ. Дибича замѣнилъ Паскевичъ, который, безъ особенныхъ впрочемъ хлопотъ, довершилъ усмиреніе ослабѣвавшаго мало-по-малу мятежа. Ровно черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ начала возстанія, въ отвѣтъ на отказъ сдаться, русскія войска двинулись подъ звуки веселой пѣсни «ахъ, зачѣмъ было огородъ городить...» на приступъ и взяли съ боя предмѣстье Варшавы – Волю. Тогда Варшава сдалась, и мятежъ кончился. Государь наградилъ Паскевича званіемъ свѣтлѣйшаго князя Варшавскаго и поставилъ намѣстникомъ царства польскаго.

Вслѣдъ за усмиреніемъ Польши состоялось возвращеніе уніатовъ сѣверо-западнаго края въ лоно православной церкви, начатое съ легкой руки Екатерины II Встрѣтивши затрудненія къ достиженію своей цѣли въ лицѣ римско-католической колегіи, государь для завѣдыванія церковными дѣлами уніатовъ, учредилъ особую греко-уніатскую колегію, а потомъ, десять лѣтъ спустя, передалъ ихъ въ вѣдѣніе оберъ-прокурора св. синода. Разумнымъ и надежнымъ помощникомъ государю былъ въ возсоединеніи уніатовъ епископъ ихъ Іосифъ Сѣмашко, возведенный потомъ въ санъ митрополита литовскаго.

И такъ мы видимъ Николая Павловича въ постоянныхъ заботахъ по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, клонившейся ко благу Россіи. Онъ первый обращаетъ серьезное вниманіе на сближеніе ок-

раинъ съ имперіей, вноситъ русскій духъ въ прибалтійскій край, сдерживаетъ неумѣстныя вожделѣнія Финляндіи; откликается на стоны угнетенныхъ турками грековъ, защищаетъ православную церковь отъ кощунства невѣрныхъ въ святой Землѣ, серьезноза думывается надъ славянскимъ вопросомъ, надъ великимъ вопросомъ освобожденія братьевъ славянъ отъ турецкаго ига, а вмѣстѣ дерзаетъ, пока мысленно, водрузить стягъ россійскаго могущества на твердыдыняхъ Царьграда. Орлинымъ взоромъ дѣятельный царь видѣлъ во мракѣ будущаго, какъ мусульманскій серпъ меркнетъ передъ сіяніемъ христіанскаго креста, чуткимъ слухомъ слышалъ, какъ, вмѣсто протяжныхъ призывовъ муэзина, гулко раздается православный благовѣстъ. Онъ глубоко вѣрилъ, что смолкнутъ стоны братьевъ-славянъ, и изъ пролитой ими въ теченіи долгихъ вѣковъ неповинной крови вспыхнетъ надъ славянскими землями заря освобожденія. Николай Павловичъ много дума лъ надъ такъ называемымъ восточнымъ вопросомъ. Его возмущали отношенія венгровъ къ славянамъ. Венгры воспользовались революціоннымъ движеніемъ въ Вѣнѣ и подняли возстаніе съ цѣлью отдѣлиться отъ Австріи, объявили низложеніе австрійскаго императора съ престола св. Стефана и нанесли рядъ пораженій правительственнымъ войскамъ. Въ этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ австрійскій императоръ обратился лично съ просьбою о помощи къ русскому императору, для чего и пріѣхалъ въ Варшаву; *но Николай отказался отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла союзника. Когда же австрійскіе славяне, ставшіе на защиту правъ своего государя, подверглись въ борьбѣ съ венграми участи австрійцевъ, Николай Павловичъ счелъ священною обязанностью вступиться за своихъ единоплеменниковъ.* Паскевичъ немедленно перешелъ съ огромнымъ войскомъ границу и въ самый короткій срокъ венгерскому возстанію положилъ конецъ.

Звѣзда императора Николая взошла должно быть для того, чтобы вести его воинственнымъ, а не мирнымъ путемъ къ лучшимъ цѣлямъ...

Между Россіею и турками существовалъ, какъ извѣстно, договоръ, коимъ Порта обязалась закрыть на восемь лѣтъ Дарданельскій проливъ для иностранныхъ военныхъ кораблей. Договоръ этотъ является слѣдствіемъ признательности турецкаго султана Махмуда II русскому императору, который спасъ его отъ поднявшаго мятежъ египетскаго паши Мегметъ-Али; однако же сынъ Махмуда, сдѣлавшись султаномъ, нарушилъ договоръ, и между сѣверной и восточной державами возникли крупныя недоразумѣнія изъ-за внутреннихъ дѣлъ

Валахіи, Молдавіи и Сербіи. Недоразумѣнія эти особенно усилились послѣ венгерской войны, когда Россія съ Австріей предъявили Турціи требованіе объ удаленіи венгерскихъ и польскихъ бѣглецовъ изъ ея предѣловъ. Пока все болѣе и болѣе обострялась непріязнь султана къ русскому царю, западныя государства, поддерживая свои выгоды, нашептывали турецкому владыкѣ сладкія рѣчи о войнѣ съ нами и предсказывали ему полную побѣду, которая подчинитъ русскихъ владычеству мусульманъ. Султанъ почувствовалъ себя силой. Онъ вопреки прежнимъ договорамъ сталъ притѣснять православныхъ греческаго исповѣданія въ Палестинѣ, и Николай поставленъ былъ въ необходимость потребовать объясненій черезъ своего посла. Тѣмъ временемъ французы и англичане ввели свои эскадры въ Дарданельскій проливъ. Чтобы склонить султана къ уступкамъ, Николай Павловичъ приказалъ кн. Горчакову немедленно занять Валахію и Молдавію; султанъ объявилъ Россіи войну, которую началъ раньше срока, установленнаго въ переговорахъ. Овладѣвъ черноморскимъ фортомъ св. Николая, турки двинулись далѣе, но въ Малой Азіи были отбиты повсемѣстно, тогда какъ русскіе адмиралы Новосильскій и Нахимовъ уничтожили ихъ флотъ при Синопѣ, на Черномъ морѣ. Располагая огромнымъ флотомъ, Англія отрѣзала сообщеніе Россіи со стороны всѣхъ морей, произвела высадки на востокѣ Сибири, на крайнемъ сѣверѣ—на Соловецкіе острова, подступила къ Кронштадту, бомбардировала Одесу, но нигдѣ особеннаго вреда русскимъ владѣніямъ причинить не могла. Главныя же силы союзниковъ—французы, англичане, итальянцы и турки высадились въ Крыму и обложили Севастополь. Россіи угрожала серьезная опасность. Государь выдвинулъ подъ предводительствомъ князя Горчакова дунайскую армію и послалъ вслѣдъ за нею главнокомандующаго Паскевича. Любимецъ Николая Павловича, неоднократно отличившійся побѣдами и щедро награжденный за нихъ царскими милостями, на этотъ разъ обманулъ надежды своего повелителя. Онъ не воспользовался, какъ слѣдуетъ, мудрыми совѣтами и указаніями государя, велъ почему-то нерѣшительно осаду Силистріи, къ великой радости Австріи, которая не дремала и, въ благодарность за 49-й годъ, заплатила предательствомъ. Русскіе принуждены были отступить съ береговъ Дуная, волей-неволею перейти за рѣку Прутъ и предоставить австрійцамъ занять Молдавію и Валахію. Въ октябрѣ 1854 года произошло первое бомбардированіе Севастополя, который русскіе геройски защищали въ теченіи почти цѣлаго года. Тридцатаго октября русскіе потерпѣли пораженіе подъ

Балаклавой. Непріятели могли бы торжествовать побѣду, еслибы защитники Севастополя за это пораженіе не сквитались съ ними на инкерманскихъ высотахъ. Несомнѣнно, что вѣсть о внезапной кончинѣ государя, послѣдовавшей 18 февраля 1855 года, удручающе подѣйствовала на русскія войска, утомленныя боевыми тревогами.

Царь до послѣдней минуты не переставалъ думать о Россіи и при прощаніи съ семьей сказалъ: «Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ.»

Въ этихъ словахъ онъ выразился весь,—погруженный въ непрестанныя заботы о дорогомъ отечествѣ, которое потеряло въ немъ одного изъ могущественныхъ государей. Горячій и нетерпѣливый, царь этотъ шелъ, подобно смѣлому кораблю, прямымъ путемъ, нерѣдко встрѣчая на немъ подводные камни, въ видѣ соперничества и непріязни иностранныхъ державъ, съ завистью взиравшихъ на быстро возраставшее при немъ могущество Россіи. Николай зналъ, что дѣлалъ, потому что всякій свой шагъ обдумывалъ. Онъ не любилъ, когда въ его государево дѣло вмѣшивались изъ любопытств чужестранцы. Разъ англійскій посолъ обратился къ нему съ вопросомъ: «для чего укрѣпляется Севастополь?» и получилъ отвѣтъ: «для того, чтобы меня объ этомъ не спрашивали.» Въ основу всякаго дѣла царь ставилъ законъ; строгимъ судьею своихъ поступковъ считалъ здравый русскій смыслъ, а помощниками въ дѣлахъ—всѣхъ умныхъ и честныхъ людей, но къ сожалѣнію не всегда находилъ такихъ вокругъ себя.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Николай Павловичъ приступилъ къ рѣшенію великой задачи—собрать законы Россійской имперіи и поручилъ это дѣло Сперанскому. Послѣ четырехлѣтней неустанной работы, изданы подъ названіемъ «Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи» 30 тысячъ актовъ, начиная съ Уложенія царя Алексѣя, а изъ этого собранія составленъ Сводъ дѣйствующихъ законовъ (числомъ восемнадцать томовъ). Для поддержанія земельной собственности помѣщиковъ, Николай учредилъ опекунскій совѣтъ, въ задачу котораго входило наблюденіе за тѣмъ, чтобы дворяне не расточали родовыхъ имѣній; а для управленія государственными крестьянами было образовано министерство государственныхъ имуществъ. Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія онъ также совершилъ немало полезнаго для Россіи—учредилъ главный педагогическій институтъ для приготовленія професоровъ и учителей въ высшія учебныя заведенія, взамѣнъ упраздненнаго въ Вильнѣ открылъ въ Кіевѣ университетъ св.

Владимира. Кромѣ того при Николаѣ учреждены въ Петербургѣ военная академія, инженерное училище, училище правовѣдѣнія, технологическій институтъ, два кадетскихъ корпуса; женскій институтъ въ Казани и первая учительская семинарія въ прибалтійскомъ краѣ. Большое вниманіе было также обращено на среднее образованіе.

Царствованіе Николая I было блестящимъ временемъ для русскихъ финансовъ: курсъ кредитнаго рубля доведенъ былъ принемъ до цѣнности золота. Императоръ создалъ цѣлую сѣть шосейныхъ дорогъ и соединилъ Петербургъ съ Москвою первой большою желѣзной дорогою.

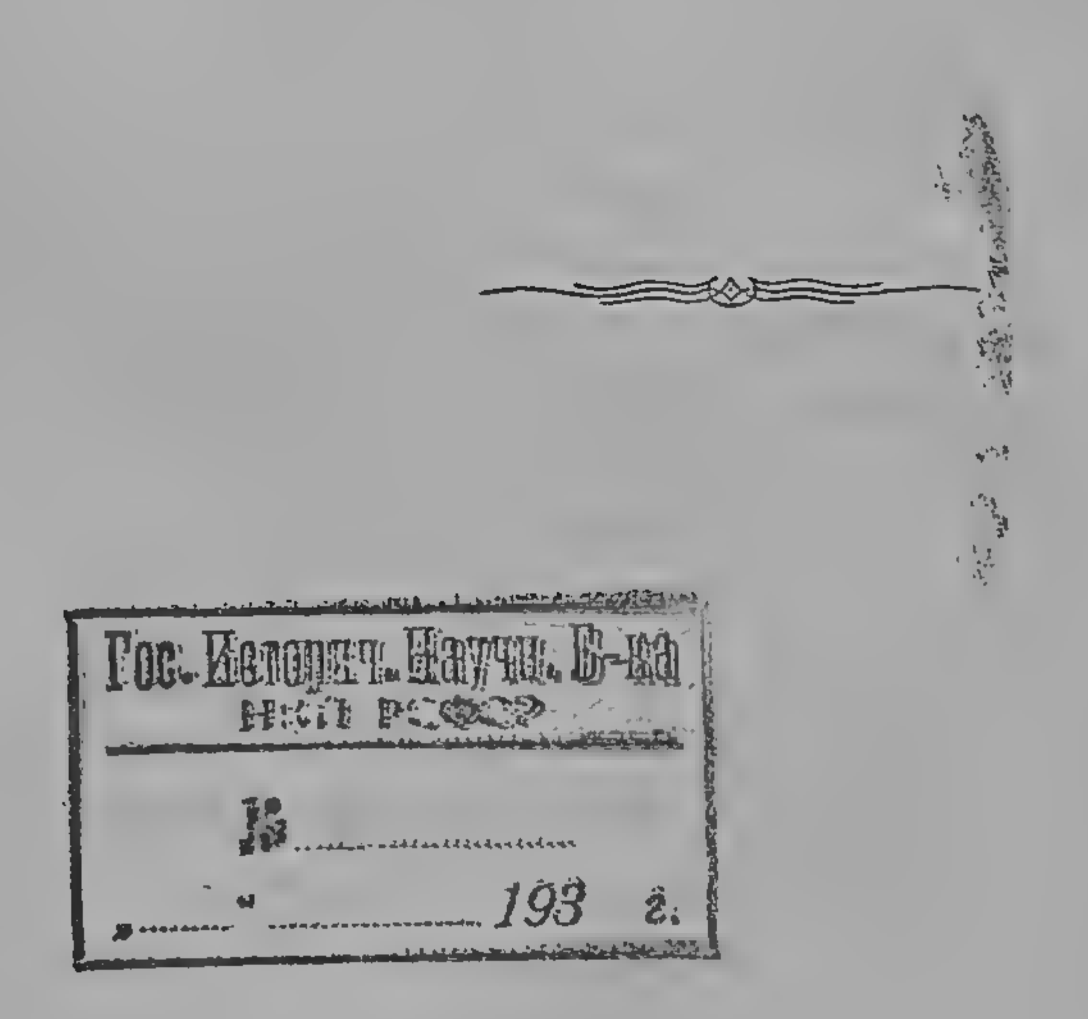
Русская литерагура при императорѣ Николаѣ имѣла такихъ блестящихъ представителей, какъ Карамзинъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Жуковскій, Пушкинъ. Гоголь, Кольцовъ, Лермонтовъ, Шевченко, а въ послѣдніе годы его царствованія явился въ семьѣ русскихъ поэтовъ первый пѣвецъ народнаго горя—Некрасовъ. Живопись николаевской эпохи прославилась картиною Брюлова «Послѣдній день Помпеи»; зодчество обогатилось такими сооруженіями, какъ Исаакіевскій соборъ, Веребьинскій мостъ, Николаевскій мостъ и Александровская колона; театръ могъ смѣло гордиться именами артистовъ—Каратыгина, Щепкина, Мочалова, Мартынова, а музыкальный міръ озарился славою Глинки, безсмертнаго творца оперъ: «Русланъ и Людмила» и «Жизнь за царя.»

Николай Павловичъ высоко цѣнилъ литературу, художество, искуство, охотно покровительствовалъ талантамъ и вообще приближалъ къ себѣ даровитыхъ людей. «Знаешь-ли, сказалъ однажды государь, я сейчасъ бесѣдовалъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи» и на вопросъ: «съ кѣмъ же?» отвѣчалъ: «съ Пушкинымъ».

Правда, вѣкъ Николая, по духу военной дисциплины, двадцатипятилѣтней солдатской службѣ, по строгости и суровости разныхъ мѣръ, занимаетъ въ нашей исторіи исключительное мѣсто, но намъ уже извѣстно, что во всемъ этомъ сказывается духъ той школы, въ которой былъ воспитанъ самъ царь. Правда, свобода личности низшихъ сословій все еще сильно ограничивалась, печать была стѣснена цензурою, такъ-что напримѣръ произведенія Пушкина, чтобы избавить ихъ отъ придирокъ, взялъ на себя цензировать самъ государь. Не того хотѣлъ, не къ тому стремился Николай. Вся бѣда въ томъ, что царь не могъ всего знать, всего видѣть, такъ какъ одно показывали ему въ розовомъ свѣтѣ, а другое отъ него скрывали...

Таковъ нравственный обликъ императора Николая.

Царь и по виду походилъ на богатыря. Величественнаго роста, могучаго сложенія, съ гордой, поистинѣ царской осанкою со сверкающимъ, повелительнымъ взоромъ и громкимъ металическимъ голосомъ—вотъ какимъ встаетъ передъ нами дѣдъ нашего Государя, отецъ царя-освободителя, грозный самодержецъ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 9 ОКТЯБРЯ, 1894 Г. ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАР. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", В. ПОДЪЯЧ., 39